

## 2. Средневековая ментальность

Каждая историческая эпоха имеет свое мироощущение свои представления о природе, времени и пространстве. Эти представления не остаются неизменными на протяжении всей эпохи. Они имеют свои отличия у разных классов и социальных групп, но в то же время являются типичными именно для этого отрезка исторического времени. В основе мировоззрения, массовых представлений средневековья лежало христианство, но оно не поглощало их целиком.

Сущность средневекового способа отношения к миру определялась божественной моделью мира, которая поддерживалась всеми имеющимися в распоряжении церкви средствами. Эта модель и определяла особенности средневековой эпохи. Основные черты этой модел.

- Специфически средневековое понимание Вселенной, где Бог выступает главной мировой творческой силой. Вмешательство человека в божественные дела было недопустимо.
- Средневековый монотеизм, в котором Вселенная мыслилась как абсолютно подчиненная Богу, которому только доступны законы природы и божественный космос. Эта сила была беспредельно могущественнее человека и довлела над ним.
- Человек — ничтожное, слабое, греховное существо, пылинка в божественном мире, и частицы божественного мира ему доступны только через искупление грехов и поклонение Богу.

Центральным событием средневековой модели мира был Бог. В это событие вписывалась вся совокупность сверхсложной общественной иерархии событий средневекового мира. Особое место в этой иерархии занимала церковь, на которую была возложена общественная миссия.

Мировосприятие средневекового человека во многом было обусловлено циклическим жизненным круговоротом, крестьянским укладом и живучестью языческих представлений. Оно во многом выражалось в идее аналогии человека-микрокосма и Вселенной, а также в чувстве особой целостности с природой и в признании Сверхсобытием жизни предков.<sup>^</sup>

По мнению людей XII—XIII вв., между человеком и Вселенной существуют соответствие и гармония. Они состоят из одних и тех же элементов и созданы Творцом по единому плану. На рисунках в учебных сочинениях изображали человека в виде «малого мира» микрокосма, который расположен в центре «большого мира» — макрокосма. Гигантский мир, сотворенный Богом, — космос, — включал в себя человека (микрокосм), который мыслился и как целостный, завершённый мир, заключающий в себе то же, что и большая Вселенная. В средневековом сознании природа уподоблена человеку, а человек — космосу.

Сознание средневековой эпохи исходило из констатации дуализма мира. Одинаково реальным для средневекового человека были мир видимый, окружающий в повседневной жизни, и мир невидимый в котором пребывают Бог и дьявол, ангелы и демоны.<sup>1</sup> Примирение или противостояние двух этих миров — проблема, занимавшая средневековое сознание на всех его уровнях. Мир земной в представлении средневекового человека не вполне был отделен от мира потустороннего. Ирландские монахи, гласит легенда, отплыли на запад и приблизились к одинокой скале в океане, на ней сидел Иуда, предавший Христа. Что же он им поведал? По понедельникам, средам и пятницам он мучается в «верхнем аду», а по вторникам, четвергам и субботам подвергается пыткам в «нижнем аду», но по Божьей милости по воскресеньям ему дано выбраться из пекла и отдыхать. Люди верили в то, что их могут посещать выходцы с того света, рассказать, каково им там. Человек, как рассказывали многие, может умереть на время, его душа, пространствовав в аду, возвращается в тело, после чего воскресший способен рассказывать о муках грешников. Такие рассказы с жадностью слушали, их записывали монахи и священники, и все хотели узнать: что ожидает душу умершего за гробом?

Великий итальянский поэт Данте в «Божественной комедии» рассказывает о собственном странствии по загробному миру. Поэма Данте — плод его гениальной фантазии, но при этом он основывался и на рассказах о посещениях мира умерших, каких немало было в более ранний период. Как гласит предание, жители Флоренции — родного города поэта, — встречая его на улице, с любопытством и страхом всматривались в лицо человека, который, как они не сомневались, и в самом деле побывал на том свете: они пытались разглядеть на лице Данте отблески адского пламени.

Судьба, ожидающая человека после смерти, — это был важнейший и самый мучительный вопрос. Страх перед смертью соединялся страхом перед Божьим судом, на котором предстоит лично отвечать за свои грехи, перед наказаниями в аду. Церковь учила, что Страшный суд ожидает род человеческий после завершения его истории: произойдет Второе пришествие Христа, по Его повелению ангел звуком трубы пробудит от сна всех умерших, они покинут могилы и предстанут перед Христом — Судией, после чего одни будут оправданы и спасены, а другие — осуждены и брошены в ад.

В конце XII в. в сочинениях ученых людей впервые появляется слово «чистилище». Это такое место в загробном мире, где души грешников испытывают муки; они подвергаются им не вечно, а в течение некоторого срока в зависимости от степени совершенного греха. **По окончании срока** очистившаяся душа допускается в рай. В середине XIII в. **папа** римский официально признал учение о чистилища. Таким образом, у людей, которые считали себя грешниками, появилась

надежда на спасение души. Считалось, что если человек твоил добрые дела (например, подавал милостыню нищим), то мог избавила от ада. А если за душу умершего грешника усердно служили церковные службы и молились, то срок его пребывания в чистилище мог стать короче.

Потусторонний мир, с которым при жизни может встретиться верующий, — не одни бесы. Человека посещают ангелы, он встречается с самим Христом. Молитвы, обращенные к святым, посещения их гробниц помогают, как тогда верили, больным, убогим и несчастным. Поклонение святым было связано с потребностями большинства населения, не способного понять абстрактного Бога и нуждавшегося в поклонении зримому, понятному образцу. Духовенство возносило святых за благочестие, добродетели, христианскую святость; паства ценила в них прежде всего их способность к магии: умение творить чудеса, исцелять, защищать. Священники понимали это и, канонизируя святых, стремились ограничить их количество. К усыпальницам наиболее популярных святых устраивали паломничества; верующие собирались группами и отправлялись в Испанию, к могиле святого Иакова, или к Гробу Господню в Иерусалиме. Целью паломничества англичан была гробница святого мученика Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Питаемая верой необузданная фантазия действительного удивила мир. Наряду с Богом, Его Матерью, ангелами и святыми люди соприкасались, по их убеждению, с душами и призраками умерших.

В Священном Писании не указана точная дата Страшного суда, и можно было гадать, когда произойдет это событие. Несколько раз на протяжении средневековья ужас перед близким Страшным судом и возмездием охватывал большие массы людей. Это сопровождалось массовой истерией, по дорогам ходили толпы бичующих себя людей, появлялись «пророки», предрекавшие приближение всемирной катастрофы. Отсюда и распространение практики завещаний, в которых значительные суммы денег предназначались на чтение заупокойных молитв и отправление месс. В XIV—XV вв. в завещаниях зачастую предписывалось отслужить за душу умершего сотни и тысячи месс с тем, чтобы душа его как можно скорее прошла испытания в чистилище и возвратилась к Богу. Сама идея чистилища, «третьего места» в загробном мире была порождена этим устойчивым страхом перед неминуемыми карами. «Чувство неуверенности — вот что влияло на умы и души людей средневековья и определяло их поведение...», писал Ж. Ле Гофф. Страх перед воздаянием за грехи становится мощным фактором приобщения к христианству. Страх, по выражению известного французского историка М. Блока, был мощным социальным фактом средневековой жизни. Страх перед загробными карами следует поместить на одно из первых мест. Одних он дисциплиниро-

вал и удерживал от особо греховных поступков, других повергал в отчаяние и даже приводил к самоубийству, третьих бросал в объятья ереси. Психически неуравновешенные люди, вообразившие, что ими завладел черт, подлежали экзорцизму — процедуре изгнания беса. Людей посещали ужасные видения. Мучимому плотскими желаниями монаху, например, привиделся во сне нечистый, явившийся к нему ночью в сопровождении страшного пса; ножом мясника бес отрезал у грешника орган, вызывавший похоть, и бросил его на съедение псу. Пробудившийся монах навсегда был избавлен от позывов плоти.

Подобные напряженные психические состояния являлись неизбежным порождением той двумирности, которая была неотъемлемым свойством средневекового сознания: человек поставлен между добром и злом, между богом и дьяволом, между путем в рай и путем в ад.

Человек чувствовал острую необходимость защиты от поступающих со всех сторон опасностей. Магия распространялась на все сферы жизни и создавала чувство управления злыми силами, подстерегающими жизнь человека. Церковь не могла не взять на себя функции магической защиты человека. Почитание Бога осуществлялось в христианской церкви с помощью sacramентов — таинств, таких, как причастие, крещение, священство. С помощью sacramентов верующий мог стать причастным к Богу и спастись. Дома, в быту пользовались sacramентами — освященная вода, хлеб, свечи. Простолюдины использовали их прежде всего как амулет для защиты от болезни, наговоров, порчи. Крестьяне использовали sacramенты для излечения скота. Церковная курия не возражала против утилитарного использования sacramенталиев, но решительно противилась прагматическому их применению, расценивая как богохульство угощение скота «собственным Богом».

В XIII в. были распространены судебные процессы над животными. Если домашнее животное убило или нанесло увечье человеку, его можно было подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности. Животному назначался адвокат, его пытали и, в зависимости от вины, заключали в тюрьму или казнили. Если грызуны, птицы или насекомые наносили значительный ущерб, им давали время на то, чтобы они ушли. Если они уходили, служили благодарственную молитву. Если вредители не уходили, следовало торжественное шествие с проклятием этих тварей. Судебные процессы над животными, птицами и насекомыми получили значительное распространение и практиковались на протяжении нескольких столетий.

В массовых представлениях средневековья большое место **занимала магия**, ведовство. Расцвет магии, ведовства приходится на XV—XVI вв., то есть на период заката собственно средневековой культуры. Люди были убеждены, что некоторые женщины обладают способностью с помощью колдовства причинять вред здоровью, **жиз**

ни и имуществу других людей; ведьмы якобы меняют свой облик и по ночам летают по воздуху, отправляясь на ночные сборища. Церковь поначалу осуждала веру в ведьм, считая ее заблуждением и дьявольским внушением, и наказывала не предполагаемых ведьм а тех, кто верил в их могущество. Однако люди упорно держались этой веры: в ведьмах и колдунах народ видел один из источников невзгод и болезней.

Начиная с XIII в. позиции церкви стали меняться. Возросла уверенность во всемогуществе дьявола. Ведьму стали рассматривать в качестве его прислужницы. Духовенство утверждало теперь, что ведьма — не просто сельская колдунья, она — орудие в руках нечистой силы. В конце XV в. был опубликован ученый трактат «Молот ведьм», который обосновывал необходимость преследования ведьм. Теперь осуждаются уже не те, кто верил в существование ведьм, а те, кто на них не доносит властям. Вслед за этим страшным сочинением последовал нескончаемый поток подобных трактатов, исполненных подозрительности и ненависти в отношении к женщинам. Впрочем обвинения в колдовстве нередко предъявлялись и мужчинам, но среди жертв развернувшихся гонений преобладали женщины.

Период наибольшего разгула охоты на ведьм — конец XV—XVII вв. Эпидемия гонений охватила как католическую, так и протестантскую части Европы. Преследования не шли непрерывно: они то обострялись, то ослабевали.

Возникла атмосфера всеобщей подозрительности и страха. Достаточно было кому-нибудь пожаловаться властям, что, дескать, какая-то женщина подозревается в том, что ее колдовство послужило причиной болезни или другой беды, как эту женщину арестовывали. Судьи добивались от подозреваемой признания в том, что она связалась с дьяволом, и все вопросы были направлены именно на выяснение этого обстоятельства, а затем применяли пытку или угрозу ее.

Считалось, что пытка направлена не против человека, которого ей подвергают, но против дьявола, завладевшего предполагаемой ведьмой. И ее пытали до тех пор, пока она не подтверждала обвинений, предъявляемых судьями. Женщину подвергали испытанию: со связанными руками и ногами ее бросали в воду; если она не тонула, это означало ее виновность, так как вода — чистая стихия отказывается ее принять; если же тонула, это был благоприятный знак.

Судьи упорно добивались признания, ведь только признавшуюся ведьму можно было по закону осудить на сожжение. В большинстве случаев, не выдержав страшных пыток, обвиняемые «признавались» в связи с дьяволом. При стечении народа, на площади деревни или города, ведьму торжественно сжигали на костре. И люди радовались: одержана еще одна победа над дьяволом!

Охота на ведьм давала возможность избавиться от врагов или от неприятных соседей. Но нередко она приобретала признаки массового психоза. Люди, страшившиеся дьявола, слыша о том, что многие из тех, кого они знали, оказались ведьмами и колдунами, слугами дьявола, в свою очередь начинали искать подозрительных. Были случаи самоговора: психически неуравновешенные женщины воображали будто они и в самом деле служанки дьявола, и сами на себя доносили. Дети, наслушавшись басен о черте, рассказывали о том, что видели, как он встречался с их матерью, бабушкой или сестрой, и эти женщины делались жертвами преследований.

Средневековое мировосприятие стремится больше к синтезу, чем к анализу. И хотя земной мир представляется ему состоящим из «своего, знакомого» близлежащего пространства и «чужого», далекого, но все же обе эти части слиты в неразрывное целое.

Крестьянин часто рассматривал землю как свое продолжение. Не случайно в средневековых документах она описывается через человека — числом шагов или, временем труда, вложенного в ее обработку. Средневековым человеком мир не столько осваивался, сколько присваивался, делался своим в тяжелой борьбе с природой. О далеких странах имелось лишь крайне скудная информация, обычно окрашенная фантазией. Фантазия европейцев населяла далекие земли всем тем, чего не было и не могло быть в действительности. Воображаемый мир строился как полная противоположность миру реальному. Мечты людей восполняли их суровую и убогую жизнь. При этом они верили, что такие счастливые страны — вовсе не плод их фантазии, что они где-то существуют.

Иным, чем в современную эпоху, было представление и о времени. В рутинной, медленно текущей цивилизации средневековья временные ориентиры были расплывчаты, необязательны. Люди просто не нуждались в точном измерении времени, природный отсчет которого для них был вполне удобен и достаточен. Это «личное», бытовое время Средневекового человека двигалось как бы по замкнутому кругу: утро — день — вечер — ночь; зима — весна — лето — осень. Нередки были споры о времени. Людовик IX (XII! в.), например, измерял время ночью по убывающей длине свечи. Но дело не только в часах. Сутки делились на несколько отрезков, отличаемых обычно колокольным звоном и 1 меряемых солнечными или песочными часами, но представление о минуте, не говоря уже о секунде, отсутствовало. Даже когда (около 1300 г.) на башнях городских ратуш и соборов начали устанавливать механические часы, они отбивали час, но не показывали более мелкие его доли.

Человек, подчиненный рутине размеренного сельского труда или ремесленной деятельности, не связанной со срочной работой на широкий рынок, **жил** не торопясь. Ритмы времени определялись не только произ

водственной деятельностью, но зависели от природных сезонов и соотношения с ними календаря церковных служб и праздников. Эти праздники (наряду с воскресными днями, днями многочисленных святых), когда запрещено было трудиться, занимали до трети времени в году.

В средневековой Европе применялся солнечный календарь возникший у древних земледельческих народов из потребности определить по солнцу начало полевых работ. Кочевники жили по лунному календарю, по которому и теперь живут мусульмане. Он короче солнечного на 10—12 дней, поскольку лунные месяцы составляют 29—30 дней. В средние века европейцы использовали юлианский календарь. Окончательный, современный вид этот календарь приобрел при Августе и им пользовались до конца XVI в. Но он был не совсем точным. Принятая в нем продолжительность среднего солнечного года превосходила истинную настолько, что за 128 лет накапливалась ошибка в 1 день. В результате сроки действительного весеннего равноденствия перестали совпадать с календарными. Это имело принципиальное значение для пасхальных расчетов. Ошибку обнаружили в средние века, но лишь в XVI в. при папе Григории XIII создали комиссию по реформе календаря. В итоге появился новый, григорианский календарь, в котором ошибка в 1 день набежит за 3280 лет.

На средние века приходится установление еще одного временного признака — христианской эры. Она была введена в 525 г. римским монахом Дионисием Малым, высчитавшим дату рождения Христа (753 г. от основания Рима). В документах понятие «христианская эра» стало употребляться с VII в. Но лишь с XV в. все папские документы получили дату от Рождества Христова, а всеобщим это летоисчисление стало только в XVIII в. В России после революции 1917 г. вместо религиозного обозначения ввели понятие новая эра.

Начало года 1 января сложилось еще в Риме. Церковь долго не могла примириться с этой датой из-за ее языческого происхождения. Однако в гражданской жизни эта дата сохранилась и постепенно с ней согласилась и церковь, совместив с ней праздник — Обрезание Господне. Этот порядок распространялся в разных странах Западной Европы в XI—XIV вв. Тогда же применяли так называемый пасхальный стиль, по которому Новый год был «плавающим», от начала Пасхи. Например, в 1231 г. Пасха начиналась 23 марта, а спустя год — 11 апреля. Существовал еще и рождественский стиль — Новый год начинался с 25 декабря. Современное значение Нового года возникло в новое время.

Семидневная неделя в средние века была заимствована также от древних. Она была принята евреями, греками, римлянами, от которых в средневековую Европу пришли и названия дней недели. Первое время христиане, как и иудеи, праздновали субботу как день, посвященный Богу. Но во II в. день отдыха был перенесен на день Солнца, а

император Константин узаконил этот праздник. Каролинги сделали эту традицию обязательной по всей империи, объявив воскресенье днем отдыха и молитв.

В средневековой цивилизации восприятие человеческих возрастов также отличалось от привычных для современного человека. Средневековое общество демографически было молодым, так как продолжительность жизни была невелика. Человек, перешагнувший рубеж сорокалетия, считался стариком. Средневековые не знали особого внимания к детству, глубокой эмоциональности в отношении к детям. Господство отца, мужа, хозяина в семье и обществе приводило к тому, что и историки, и писатели в средние века уделяли основное внимание мужчинам, их делам и занятиям. Женщин и детей упоминают лишь от случая к случаю, так как они не вызывали особого интереса. В результате большая часть рода человеческого оставалась как бы «вне истории».

И все же, как жили дети в средние века? Один из современных историков, отвечая на этот вопрос, назвал средневековый мир «миром взрослых». Дело в том, что никто в ту эпоху не задумывался над особенностями ребенка. Не обращали внимания на то, что у ребенка свои интересы, что он иначе воспринимает окружающий мир, чем взрослые, и нуждается в заботе. Общество взрослых мало занималось детьми.

Ребенка считали маленьким взрослым. Если посмотреть, как изображали детей художники того времени, мы убедимся в том, что черты лица ребенка — это черты лица взрослого, что дети наряжены в такую же одежду, какую носили взрослые, отличавшуюся только размерами; каких-либо особых детских платьев не существовало. А игры? То, что ныне считается детскими играми (лапта, катанье на санках или игра в мяч и в обруч), было развлечением взрослых.

В глазах взрослых детство было коротким. В брак вступали иногда в 12—14 лет. Причинами столь ранних браков были отношения собственности или власти. Браки между малолетними наследниками королевского или княжеского престола диктовались исключительно политическими соображениями, потребностью приобрести дополнительные владения или заключить союз с другим королевством. Чувствами детей, которых соединяли в браке, никто не интересовался; брак оформлял династический союз. Детей могли поженить и феодалы, для того чтобы достигнуть примирения или укрепить свое положение в обществе, и богатые купцы, заинтересованные в приращении богатств и усилении своего влияния.

Со столь же раннего возраста ребенок считался ответственным за свои поступки, его могли судить и приговорить к тяжкому наказанию, вплоть до смертной казни.

Сплошь и рядом ребенка в очень раннем возрасте отрывали от семьи. Сына городского ремесленника отдавали в ученики к другому мастеру; в его семье он жил не столько в качестве ученика, перенимавшего ремесленное умение, сколько в роли слуги, мальчика на побегушках. В чужом хозяйстве всякий мог его обидеть, а заступиться за него было некому.

Сын рыцаря также зачастую оказывался вдали от родительского дома: его отдавали на воспитание в семью другого рыцаря, с которым отец ребенка хотел поддерживать дружбу. Здесь мальчик должен был учиться боевому делу, обращению с мечом и копьем, езде верхом, даже если у него еще не хватало сил для подобных занятий. Он проводил время в общении со взрослыми—людьми, по большей части грубыми и не образованными,—ведь в среде рыцарей уважали силу, а не образованность. Младших детей рыцарей, у которых не было надежды на получение отцовского владения, нередко отдавали монахам. В монастыре они могли получить образование, а со временем стать монахами и даже высидеть в церкви. Дочери знатных людей, если у них не было приданого, необходимого для замужества, становились монахинями—это был один из главных способов устроить их жизнь.

Таким образом, и ребенок простолюдина, и рыцарские сын или дочь с малых лет нередко оказывались оторванными от родителей, жили отдельно от них. Семья не была той ячейкой общества, в которой ребенок окружен любовью и заботами своих родных. Легко понять, что такое воспитание отражалось на сознании и чувствах ребенка и подростка.

Что касается сельских жителей, то крестьянскому хозяйству нужны были рабочие руки, и ребенок начинал трудиться с раннего детства. Детство в средние века для очень многих едва ли было беззаботным и радостным.

Это не значит, конечно, что в средние века не существовало родительских привязанностей к детям. Сохранились письма матерей и отцов, адресованных их детям, в этих посланиях они наставляют их, как нужно себя вести, и проявляют любовь и заботу о них. Часто сочиняли так называемые «зеркала» — книги, в которых от имени отца; сын, обычно из знатной семьи, получает необходимые наставления,

Бертольд Регенсбургский в своей проповеди говорит о грехе чревоугодия и при этом предостерегает не одних только обжор, но и родителей, перекармливавших своих детей. Желудок человека, говорит он, подобен котелку, поставленному на огонь: если переполнить его пищей, она побежит через край и погасит огонь. Излишества в еде ведут к болезням. Вот почему, продолжает проповедник, дети бедняков здоровее детей богачей. Ведь что происходит в богатых домах? Сперва нянька накормит младенца, затем является родственница и с криком **«Ах, Господи, дитя голодное!»** тоже его пичкает. Перекормленный

ребенок болеет и может умереть. Читаем мы и о горе матерей у которых умер младенец, и о том, как они обращались к каким-то знахаркам и колдуньям за помощью, чтобы вылечить своих больных детей

Церковные проповедники противопоставляли родительские чувства заботам о спасении души. Они предупреждали верующих: ваша чрезмерная привязанность к детям, которым вы собираетесь оставить наследство, приводит к тому, что в жажде скопить богатство вы попадаете в тяжкий грех. Значит, было немало родителей, которые стремились обеспечить своих детей.

Отношение к юности было ярким, эмоциональным. Она мыслилась как пора цветения, игры, дань разгулу, с нею связывались представления о жизненной магической силе. Юношеский разгул узаконен в средневековом обществе, которое в целом в своих моральных установках тяготело к трезвости, целомудрию и устойчивости. Вступление во «взрослую» жизнь требовало от молодежи отказа от подобных вольностей, энергия молодости должна быть направлена в традиционное социальное русло.

Средневековье имело свой взгляд и на такие кардинальные составляющие общественного и человеческого бытия, как власть, право, труд, богатство и бедность и др. В отношениях между людьми огромное значение придавалось не только их реальному содержанию, но и форме. Отсюда вытекало требование скрупулезного следования традиции, соблюдения ритуала. Детализированный этикет — тоже порождение средневековой культуры.